

В. В. Умнягин

Побег за границу и жизнь на чужбине по воспоминаниям соловецких узников

Тема побега выступает едва ли не обязательным атрибутом рассказов о местах лишения свободы. В воспоминаниях заключенных Соловецкого лагеря особого назначения внимание к ней тем более закономерно, что многие мемуаристы и сами бежали из ссылок и лагерей. В том – за границу, описание которой также встречается на страницах их художественно-документальных произведений и, наряду с темой побега, становится своеобразным ключом, позволяющим выявить психологические, нравственные и религиозные доминанты отдельных личностей и целых социальных групп. В воспоминаниях соловецких узников побег воспринимается не только как освобождение от внешних уз, но и как исход из мрачного царства греха в поисках духовной свободы. Оказавшись за границей, бывшие заключенные, с одной стороны, испытывали чувство благодарности по отношению к своей новой родине, с другой – относились вполне критично к духовному состоянию тамошнего общества. Большинство мемуаристов не стремились ассимилироваться в западном мире, чаще всего сохраняя свою этноконфессиональную идентичность, в чем можно видеть проявление религиозного воспитания и самоидентификации.

Ключевые слова: Соловецкий лагерь особого назначения, побег, зарубежье, вынужденная эмиграция, государственная граница, духовная свобода, западный рационализм.

V. V. Umnyagin

Escape Abroad and Life in the Foreign Land in the Solovki Prisoners' Memoirs

The subject of escape is nearly as an obligatory attribute of stories about imprisonment places. In prisoners' memoirs of the Solovki camp of the special function the attention to it is especially natural that many memoirists escaped from exiles and camps. They escaped abroad, its description is on pages of their art and documentary works and, along with the escape subject, it becomes the peculiar key allowing to reveal psychological, moral and religious dominants of individuals and whole social groups. In memoirs of the Solovki prisoners escape is perceived not only as a release from external bonds, but also as an outcome from a gloomy kingdom of sin in search of spiritual freedom. Having appeared abroad ex-prisoners, on the one hand, felt gratitude towards the new homeland, on the other hand, they were quite critical to the spiritual state of the local society. Most of memoirists didn't aim to assimilate in the Western world, they kept their ethnoconfessional identity more often and it can be regarded as manifestation of religious education and self-identification.

Keywords: the Solovki camp of the special function, escape, abroad, expatriation, state boundary, spiritual freedom, western rationalism.

Тема побега выступает едва ли не обязательным атрибутом рассказов о местах лишения свободы. Такие свидетельства привлекают особое внимание исследователей, так как изучение мотивации поступков, совершаемых в момент крайнего напряжения физических и моральных сил, становится своеобразным ключом, позволяющим выявить нравственные и религиозные доминанты отдельных личностей и целых социальных групп.

В воспоминаниях заключенных Соловецкого лагеря особого назначения внимание к побегу тем более закономерно, что многие мемуаристы сами бежали из ссылок и лагерей. В том числе за границу, упоминания которой также встречаются на страницах оставленных ими художественно-документальных произведений и открывают возможность для анализа нравственного и религиоз-

ного опыта как самих писателей, так и описанных ими людей.

По наблюдению Б. Н. Ширяева, основными участниками побегов становились «уголовники с большим сроком, главным образом бандиты-“мокрятники” (убийцы)» [19, с. 334], что находит свое подтверждение в отчете о деятельности Управления Соловецких лагерей ОГПУ за 1926/1927 г. Из документа следует, что осужденные по политическим статьям составляли всего 12 % от общего числа заключенных [13, с. 129]. Объясняется это значительными рисками и теми последствиями, которые грозили как самому беглецу, так и его ближайшему окружению. «Пристрелят на месте, добавят новых 5–10 лет срока или расстреляют. Да еще и на родственниках отзывается такой побег» [10, с. 127], – писал по этому поводу М. М. Розанов.

При благоприятном стечении обстоятельств наказание могло ограничиться избиением и заключением в карцер, но преследование было неминуемым, особенно когда речь шла о политических заключенных, которые нередко пытались покинуть СССР. Страх перед распространением неприглядной информации о жизни в Советском Союзе, по мнению А. А. Зинковщук, был важнейшей причиной того, почему «врагов народа» загоняли, как зверей, в такие отдаленные таежные места, что не каждый рисковал бежать» [4, с. 3].

Интенсивность побегов зависела от периода развития карательной системы, региона, времени года, эффективности охраны и поиска заключенных, как это показывает в своей статье немецкий историк В. Хеделер [16]. При этом по ежегодной отчетности ГУЛАГа видно, что с середины 1930-х гг. число побегов в стране постоянно снижалось, несмотря на одновременный рост лагерного населения. И если количество заключенных с 1934 по 1947 г. выросло примерно в 3,5 раза, то число беглецов за тот же период снизилось более чем в 20 раз [3, с. 11, 14–15].

Подобная динамика, помимо прочего, объясняется трансформацией советского общества, о которой протопресвитер Михаил Польский писал в 1931 г.: «Верующие и вообще старой закваски люди просто вымирают, а средний возраст сильно ассимилировался», – предсказывая, что «менее чем через десять лет Россия по своему людскому составу будет совсем “новая”» [9, с. 119].

Результаты процесса секуляризации отразили в своем творчестве В. Т. Шаламов и А. И. Солженицын, которые отнюдь не на пустом месте создали обобщенный «карикатурный образ забитого, растоптанного зека, утратившего человеческий облик и достоинство, отчаянно стремящегося угодить начальству, не способного не то что создать антисоветскую организацию, но даже подумать плохое о советской власти» [21, с. 375].

С учетом наблюдаемых социальных потрясений сопредельные страны рассматривались беглецами в качестве политического ландшафта, где можно было сохранить не только свою жизнь, но и религиозные убеждения. «Я просто спасал свою душу, не жизнь, а душу. Препятствий к побегу из ссылки и переходу через границу ведь никаких не было, кроме риска своею жизнью. Но я решил рискнуть и ею, ибо я человек слабый. Я боялся уступить, пасть, изменить истине, за которую боролся» [9, с. 108], – объяснял отец Михаил причины вынужденной эмиграции. Зарубежье представлялось еще и удобным плацдармом, где беглецы

намеревались «отдать свою оставшуюся жизнь, знания и опыт на дело освобождения России от большевиков» [6, с. 10], которых нередко называли безбожниками, подчеркивая тем самым основания их идеологии и проводимой политики.

В воспоминаниях соловецких узников, большинство из которых сформировались в дореволюционном обществе с его системой религиозного воспитания и мировоззрения, «заключение в лагере, жизнь в СССР рассматриваются как пребывание в аду, тогда как бегство из него, исход на свободу нередко приобретает библейское звучание» [14, с. 637]. Баптистский проповедник А. П. Петров писал, что «его спасение напоминало освобождение апостола Петра из темницы» [8, с. 214], архимандрит Феодосий (Алмазов) усматривал в успехе своего начинания доказательство божественного промысла («я ждал смерти на далеком севере, а Господь благословил жизнь на горячем юге» [15, с. 84]), а мусульманин С. А. Мальсагов видел в побеге за границу выполнение божественной миссии: «Богу было угодно сохранить нас, выведя из густых болотных зарослей, чтобы мы засвидетельствовали перед всем миром: святые пределы Соловецкого монастыря превращены нечестивым правительством в места неизбывной муки» [5, с. 437].

Вместе с тем исход из родных пределов мог восприниматься беглецами в качестве не меньшей, если не большей трагедии, чем жизнь в Советской России, о чем, например, писал М. З. Никонов-Смородин. «Я не думал, стремясь к побегу, о разлуке с Родиной. Но чувство любви к ней всегда жило в моем сердце, только я не ощущал его остро, как не ощущаем мы многое привычное. И вот теперь, в минуту расставания, это чувство помимо моей воли с особой силой проснулось, и тоскливо сжалось сердце» [8, с. 352].

Расставание с Отечеством было отнюдь не единственным разочарованием, которое подстерегало русских беженцев после перехода государственной границы. Далекое не все державы охотно принимали беженцев, а тем более заботились об их устройстве. Беглецов нередко подозревали в шпионаже, обязательно держали в карантине и выпускали на свободу только после тщательного разбирательства, в ряде случаев сохраняя негласный полицейский надзор. Обстоятельства жизни в той или иной стране не всегда способствовали активному распространению сведений о Советском Союзе. Так, братьям Солоневичам в середине 1930-х гг. пришлось потратить полтора года

на то, чтобы получить разрешение на проведение публичных докладов в Финляндии, и приложить массу усилий для переезда в Болгарию, где им, наконец, удалось развернуть широкую пропагандистскую и издательскую деятельность.

Те, кто оказался в Европе после Второй мировой войны, годами могли находиться в лагерях для перемещенных лиц, испытывая нищету и постоянный страх перед депортацией в СССР. В своей книге «Ди-Пи в Италии» Б. Н. Ширяев подробно описал те несправедливости и притеснения, которыми наши соотечественники подвергались со стороны иностранных правительств и организаций. Сам писатель, по свидетельству его вдовы, под конец жизни был насильственно помещен в туберкулезный санаторий, пребывание в котором «преждевременно свело его в могилу» [19, с. 19].

Отдельное место в воспоминаниях соловчан занимает критика русской эмиграции: «Ни Запад, ни Россия; так – серединочка... Они уж доживают и не родятся вновь...» [2, с. 508], – такими словами Ю. Д. Бессонов оценивал обнаруженные им за границей политические объединения. Вполне естественно, подобные выпады вызывали ответную неприязнь, и его книгу «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков», несмотря на ее содержательность и высокие художественные достоинства, «не часто цитировали в русской зарубежной периодике, а некоторые симпатии к коммунистам и красноармейцам настроили против автора монархистов» [11, с. 449].

Впрочем, даже с учетом известных издержек, отношение к приютившей их чужбине со стороны бывших заключенных было скорее положительным. Так, воспоминания С. А. Мальсагова завершаются «словами искренней благодарности всем (как финнам, так и русским), кто проявил к нам в Финляндии столько симпатии и участия. После зверской жестокости, пережитой в концлагерях, вопиющего эгоизма, черствости и непостижимого бессердечия, привитого большевиками несчастному народу России, прием, оказанный в Финляндии, тронул нас до глубины души» [5, с. 444].

Практически все беглецы отмечали царивший на Западе достаток, связывая с ним общий уровень культуры, гражданские свободы и ту уверенность, которая наблюдалась в поведении иностранцев («Спокойные лица, все сыты, обуты, одеты...» [2, с. 508]). Рыбный рынок воспринимался сыном Т. В. Чернавиной не просто как местная городская достопримечательность, но как символ повсеместного изобилия. Еще на финской пограничной заставе этот 12-летний мальчик

недоумевал по поводу цвета слишком белых макарон, испытывал восторг, наблюдая за тем, как повар отправляет в кастрюлю две банки свиных консервов и кладет туда столовую ложку сливочного масла [17, с. 184], которого он вместе со своими родителями (весьма образованными и деятельными людьми) был лишен во время жизни в СССР.

При этом отмечаемое мемуаристами изобилие и культурное развитие иностранцев имело и оборотную сторону. Резкий, как и во всех своих оценках и высказываниях, архимандрит Феодосий (Алмазов) указывал на меркантильный характер западной цивилизации, абсолютно безразличной, по его словам, к страданиям других народов. «Европа тогда только пошевеливает пальцем, всколыхнется, зашумит, когда ей математически точно и ясно докажут всю гибельность коммунистического строя для современной экономики Европы <...> Что за дело Европе до восточно-христианской культуры, которая гибнет на наших глазах?» [15, с. 101]

Несмотря на высокую оценку обживаемого социокультурного пространства и явную симпатию к католицизму и итальянцам, которые «любят и умеют легко жить» [18, с. 50], Б. Н. Ширяев отмечал принципиальные различия между Востоком и Западом. «Запад, католический, а еще более протестантский, пытался и пытается обосновать свою веру в Господа рационально и рационально же, умственно, логически согласовать с нею свою личную и общественную жизнь, – писал он в статье, посвященной 60-летию со дня кончины Н. С. Лескова. – Мы же устремляемся к Богу не умом, но чувством и тем же чувством, сердцем, эмоцией вводим в свое миропонимание религиозное начало» [20, с. 130].

Несмотря на внешнее благополучие и известный долг перед приютившими их странами, многое за пределами Отечества казалось эмигрантам чужим – от формы зданий и устройства техники до звучания топонимов и даже запахов, что следует из автобиографической повести Г. Андреева, рассказывающего о железнодорожном путешествии по Германии. «Промелькнуло приплюснутое здание с надписью во всю стену “Корнхауз”. Я бы предпочел вытянутый в синь неба элеватор, где-нибудь в наших местах. И чтобы вместо этих аккуратных станций проплывали другие, скажем – Алексиково, Аксай, Зимовники. Чего стоит одна музыка слов! И не нужно бы этого пронзительно-того, такого европейского, поросычье-железного визга тормозов. Хорошо бы сидеть не в этой узкой крысоловке, а в нашем просторном вагоне. Пока-

чиваясь, он неторопливо вез бы тебя по нескончаемым степям, пропахшим горечью полыни, ромашки, ковылем» [1, с. 2].

Подводя итог, можно сказать, что в воспоминаниях соловецких узников побег воспринимается не только как освобождение от внешних уз, но и как исход из мрачного царства греха в поисках духовной свободы, которую они искали за границей. Достигнув ее, бывшие заключенные, с одной стороны, испытывали чувство благодарности по отношению к новой родине, с другой – относились вполне критично к царившему там рационализму. Большинство из них не стремились ассимилироваться в западном мире, сохраняя национальную идентичность и вполне отдавая себе отчет в том, что «Россия без нас выкрутится, а вот нам без нее – никакой жизни нет. Нам, русским, ни французами, ни немцами, ни болгарами все равно не сделаться <...> И пока мы не вернемся на Родину, покоя нам не дано» [12, с. 463–464].

Библиографический список

1. Андреев, Г. А. Трудные дороги [Текст] / Г. А. Андреев. – Мюнхен : ТЗП, 1959. – 156 с.
2. Бессонов, Ю. Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков [Текст] / Ю. Д. Бессонов // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. – Т. 1. – С. 451–514.¶
3. Земсков В. Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) [Текст] / В. Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 10–27.
4. Зинковщук, А. А. Узники Соловецких лагерей [Текст] / А. А. Зинковщук. – Челябинск : Газета, 1993. – 47 с.
5. Мальсагов, С. А. Адский остров: советская тюрьма на далеком севере [Текст] / С. А. Мальсагов // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. Т. 1. – С. 370–444.
6. Маслов, С. Предисловие [Текст] / С. Маслов // Киселев-Громов Н. И. Лагери смерти в СССР. – Шанхай: Книгоиздательство Н. П. Малиновского, 1936. – С. 1–12.
7. Никонов-Сморозин, М. З. Красная каторга [Текст] / М. З. Никонов-Сморозин. – София : Изд-во Н. Т. С. Н. П., 1938. – 371 с.
8. Петров, А. Соловки: живое кладбище [Текст] / А. П. Петров / пер. с англ., вступ. ст., комм. свящ. В. Умнягин // Север. – 2014. – № 1/2. – С. 210–225.
9. Польский М., протопресв. Положение Церкви в советской России (Очерк бежавшего из России священника) [Текст] / М. А. Польский. – Иерусалим, 1931. – 122 с.
10. Розанов М. М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты-Домыслы-«Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. Кн. 1. [Текст] / М. М. Розанов. – США, 1979. – 293 с.

11. Сойни Е. Г. Побег в Финляндию Юрия Бессонова [Текст] / Е. Г. Сойни // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. – Т. 1. – С. 446–450.

12. Солоневич, Б. Л. Молодежь и ГПУ: жизнь и борьба советской молодежи [Текст] / Б. Л. Солоневич. – София : Голос России, 1937. – 464 с.

13. Сошина, А. А. «Мутный призрак свободы»: о побегах с Соловков в 1923–1939 гг. [Текст] / А. А. Сошина // Соловецкое море. – 2007. – № 6. – С. 127–135.

14. Умнягин, В., свящ. Арнольд Шауфельбергер и его рукопись [Текст] / свящ. В. Умнягин // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. Т. 1. – С. 634–638.

15. Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания [Текст] / архим. Феодосий (Алмазов) // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2015. Т. 3. – С. 73–103.

16. Хеделер, В. Соппротивление в ГУЛАГе. Бунт, восстание, побег [Электронный ресурс] / В. Хеделер. – URL: <http://shalamov.ru/research/61/16.html#t25>

17. Чернавина, Т. В. Побег из ГУЛАГа [Текст] / Т. В. Чернавина. – М. : Классика плюс, 1996. – 191 с.

18. Ширяев, Б. Н. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол [Текст] / Б. Н. Ширяев. – Буэнос-Айрес, 1952. – С. 302 с.

19. Ширяев, Б. Н. Неугасимая лампада [Текст] / Б. Н. Ширяев // Соловецкий монастырь, 2012. – 560 с.

20. Ширяев, Б. Н. Путь русской веры (К 60-летию кончины Н. С. Лескова) [Текст] / Б. Н. Ширяев // Бриллианты и булыжники. Статьи о русской литературе / [сост. и науч. ред. А. Г. Власенко, М. Г. Талалай]. – СПб. : Алетейя, 2016. – 520 с.

21. Эпплбаум, Э. ГУЛАГ: Паутина Большого террора [Текст] / Э. Эпплбаум. – М. : Московская школа политических исследований, 2006. – 608 с.

Bibliograficheskiĭ spisok

1. Andreev, G. A. Trudnye dorogi [Tekst] / G. A. Andreev. – Miunkhen : TZP, 1959. – 156 s.
2. Bessonov, Iu. D. Dvadsat' shest' tiurem i pobeg s Solovkov [Tekst] / Iu. D. Bessonov // Vospominaniia solovetskikh uznikov. Solovetskii monastyr', 2013. – T. 1. – S. 451–514.¶
3. Zemskov V. N. GULAG (Istoriko-sotsiologicheskii aspekt) [Tekst] / V. N. Zemskov // Sotsiologicheskie issledovaniia. – 1991. – № 6. – S. 10–27.
4. Zinkovshchuk, A. A. Uzniki Solovetskikh lagerei [Tekst] / A. A. Zinkovshchuk. – Cheliabinsk : Gazeta, 1993. – 47 s.
5. Mal'sagov, S. A. Adskii ostrov: sovetskaia tiur'ma na dalekom severe [Tekst] / S. A. Mal'sagov // Vospominaniia solovetskikh uznikov. Solovetskii monastyr', 2013. T. 1. – S. 370–444.

6. Maslov, S. Predislovie [Tekst] / S. Maslov // Kiselev-Gromov N. I. Lageri smerti v SSSR. – Shankhai: Knigoizdatel'stvo N. P. Malinovskogo, 1936. – S. 1–12.
7. Nikonov-Smorodin, M. Z. Krasnaia katorga [Tekst] / M. Z. Nikonov-Smorodin. – Sofiia : Izd-vo N. T. S. N. P., 1938. – 371 s.
8. Petrov, A. Solovki: zhivoe kladbishche [Tekst] / A. P. Petrov / per. s angl., vstup. st., komm. sviashch. V. Umniagin // Sever. – 2014. – № 1/2. – S. 210–225.
9. Pol'skii M., protopresv. Polozhenie Tserkvi v sovetskoi Rossii (Ocherk bezhavshogo iz Rossii sviashchennika) [Tekst] / M. A. Pol'skii. – Ierusalim, 1931. – 122 s.
10. Rozanov M. M. Solovetskii kontslager' v monastyre. 1922–1939: Fakty-Domysly-«Parashi»: Obzor vospominanii solovchan solovchanami. Kn. 1. [Tekst] / M. M. Rozanov. – SShA, 1979. – 293 s.
11. Soini E. G. Pobeg v Finliandiiu Iurii Bessonova [Tekst] / E. G. Soini // Vospominaniia solovetskikh uznikov. Solovetskii monastyr', 2013. – T. 1. – S. 446–450.
12. Solonevich, B. L. Molodezh' i GPU: zhizn' i bor'ba sovetskoi molodezhi [Tekst] / B. L. Solonevich. – Sofiia : Golos Rossii, 1937. – 464 s.
13. Soshina, A. A. «Mutnyi prizrak svobody»: o pobegakh s Solovkov v 1923–1939 gg. [Tekst] / A. A. Soshina // Solovetskoe more. – 2007. – № 6. – S. 127–135.
14. Umniagin, V., sviashch. Arnol'd Shaufel'berger i ego rukopis' [Tekst] / sviashch. V. Umniagin // Vospominaniia solovetskikh uznikov. Solovetskii monastyr', 2013. T. 1. – S. 634–638.
15. Feodosii (Almazov), arkhim. Moi vospominaniia [Tekst] / arkhim. Feodosii (Almazov) // Vospominaniia solovetskikh uznikov. Solovetskii monastyr', 2015. T. 3. – S. 73–103.
16. Khedeler, V. Soprotivlenie v GULAGE. Bunt, vosstanie, pobeg [Elektronnyi resurs] / V. Khedeler. – URL: <http://shalamov.ru/research/61/16.html#t25>
17. Chernavina, T. V. Pobeg iz GULAGa [Tekst] / T. V. Chernavina. – M. : Klassika plius, 1996. – 191 s.
18. Shiriaev, B. N. Di-Pi v Italii. Zapiski prodavtsa kukol [Tekst] / B. N. Shiriaev. – Buenos-Aires, 1952. – S. 302 s.
19. Shiriaev, B. N. Neugasimaia lampada [Tekst] / B. N. Shiriaev // Solovetskii monastyr', 2012. – 560 s.
20. Shiriaev, B. N. Put' russkoi very (K 60-letiiu konchiny N. S. Leskova) [Tekst] / B. N. Shiriaev // Brillianty i bulyzhniki. Stat'i o russkoi literature / [sost. i nauch. red. A. G. Vlasenko, M. G. Talalai]. – SPb. : Aleteiia, 2016. – 520 s.
21. Epplbaum, E. GULAG: Pautina Bol'shogo terrora [Tekst] / E. Epplbaum. – M. : Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani, 2006. – 608 s.